

УДК 340.15; 94 (5)

Ханши и правосудие: правительницы перед судом и правительницы-судьи в средневековых тюрко- монгольских государствах

Р. Ю. Почекаев,

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»,
НОЦ «Большой Алтай»,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

Khans' wives and justice: female rulers in court and female rulers as judges in medieval Turkic-Mongol states

R. Yu. Pochekaev,

*National Research University
"Higher School of Economics",
Scientific and Educational Center
"Bolshoi Altai",
St. Petersburg, the Russian Federation*

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотреть особенности участия представительниц правящих династий тюрко-монгольских государств XIII-XVII вв. в суде. В ряде случаев правительницы являлись подсудимыми, в других – они сами выступали судьями. Анализируются сведения источников по истории Монгольской империи, Золотой Орды, государств Хулагуидов в Иране и Тимуридов в Средней Азии, Касимовского ханства. В большинстве случаев правительницы представляли перед судом по обвинению как участницы заговоров, либо как единолично посягавшие на жизнь легитимных монархов. Суд над такими правительницами нередко представлял собой простую формальность, а наказание в виде смертной казни осуществлялось публично и с особой жестокостью: правители-мужчины не могли простить этим женщинам то, что они на равных соперничали с ними за власть и влияние в «мужском мире». Учитывая особенности правовых систем в тюрко-монгольских государствах, не приходится удивляться малочисленности примеров суда правительниц: в большинстве случаев они выступали либо как посредницы в спорах родственников – членов правящего рода, либо как номинальные верховные судьи при фактической решающей роли других представителей власти.

Abstract

The paper is an attempt to study peculiarities of the participation of women from ruling dynasties of the Turkic-Mongol states of 13th-17th centuries in trials. Sometimes female rulers were the accused, sometimes they were judges themselves. Data from historical sources on the Mongol Empire, Golden Horde, states of the Hulaguids and Timurids in Central Asia and the Kasimov Khanate are analyzed. In most cases, female rulers stood trial for participating in a plot or for solely attempting the life of the legitimate sovereign. Such trials of female rulers, in fact, were often just a formality and executions were carried out in public and with extreme brutality: male rulers couldn't accept the fact that the women competed with them as equals in their fight for

power and authority in the “men’s world”. Because of the peculiarities of the legal framework of the Turkic-Mongol states, it is no wonder that trials of female rulers were infrequent. In most cases, they appeared in court either as mediators in family disputes of members of ruling dynasties or as supreme judges, while actual decisions were taken by other authorities.

Ключевые слова

Средневековые тюрко-монгольские государства, Чингизиды, Монгольская империя, Золотая Орда, монгольский Иран, суд и правосудие, женщина на Востоке, традиционное право.

Keywords

Medieval Turkic-Mongol states, Genghisids, the Mongol Empire, the Golden Horde, Mongolian Iran, court and justice, Oriental woman, traditional law.

Стереотип об «угнетенной женщине Востока» во многом рассеивается после ознакомления с историческими и юридическими памятниками средневековой Евразии. В мусульманском праве довольно много внимания уделяется имущественному положению женщин и гарантиям его защиты. Если же обратиться к средневековым историческим сочинениям, то можно найти немало примеров участия женщин и в политической жизни, в т. ч. и пребывание у власти в целом ряде мусульманских и тюрко-монгольских государств.

Женщинам-правительницам средневекового Востока посвящены многочисленные исследования, однако большинство авторов сосредотачивается на вопросах, связанных со статусом правительниц, их происхождением, причинами и условиями прихода к власти (или приобретения влияния в государстве), на конкретных действиях и решениях и, наконец, обстоятельствах ухода с политической сцены.

В настоящем исследовании последний из упомянутых вопросов рассматривается не столько в историческом, сколько в историко-процессуальном аспекте. Автор, на основе ряда конкретных примеров, предпринимает попытку выявления особенностей решения судьбы тех правительниц, которые в силу несчастного стечения обстоятельств лишались власти и представляли перед судом своих победителей. Во второй части исследования автор осуществляет анализ немногочисленных случаев, когда правительницы тюрко-монгольских государств сами выступали в роли вершительниц правосудия.

Правительницы перед судом

Сразу стоит отметить, что в нашем распоряжении имеется довольно подробная информация о судах над правительницами Монгольской империи, поскольку сохранился целый комплекс официальных исторических сочинений: персидские «История завоевателя мира» Ала ад-Дина Джувейни и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, а также китайская династийная история «Юань ши». Что касается государств – наследников Монгольской империи (улусов Чингизидов), то их историография представлена очень неравномерно: благодаря развитой историографической традиции и преемственности власти в Иране (под властью ильханов-Хулагуидов, потомков Чингис-хана и последующих династий, связанных с ними кровными узами) и в Чагатайском улусе в Средней Азии (под властью потомков Чагатая, сына Чингис-хана, а затем родственных им Тимуридов), равно как и в Индии под властью Великих Моголов (потомков Тимура-Тамерлана), история этих государств, включая интересующие нас сведения о правительницах, нашла отражение в многочисленных источниках. Что же касается таких государств, как Золотая Орда, то сведения о ее истории сохранились преимущественно в составе иностранных

источников – записок современников и исторических сочинений, составленных при дворе иностранных правителей. Поэтому интересующие сведения о золотоордынских правительницах и их судьбе весьма лапидарны и дают простор для предположений. Тем не менее, анализ сведений о судах над правительницами в тюрко-монгольских государствах XIII-XV вв., как представляется, позволяет выявить некоторые особенности судебного процесса с учетом специфики самих подсудимых – по сравнению с теми разбирательствами, которые проходили в отношении мужчин-подсудимых.

Прежде всего, остановимся на обвинениях, которые предъявлялись бывшим правительницам. Проанализированные казусы позволяют выделить несколько видов таких обвинений: колдовство, отравление правителя или другого влиятельного представителя правящего рода, участие в заговоре и государственная измена.

Колдовство, по-видимому, было самым универсальным обвинением, привлекательным в глазах обвинителей и судей в силу ряда причин. Прежде всего, это преступление без всякого снисхождения каралось смертью, согласно Великой Ясе Чингис-хана. Во-вторых, в силу традиций именно это деяние в большей степени связывалось с женщинами. Наконец, в-третьих, наличие или отсутствие колдовства было весьма сложно доказать. Неудивительно, что именно колдовство стало основанием для суда и расправы с целым рядом влиятельных женщин в Монгольской империи. Так, в 1246 г. по этому обвинению была осуждена Фатима-хатун – могущественная фаворитка Туракины, вдовы хана Угедэя, регентши империи (1241-1246)¹. Хан Мунке в своем послании французскому королю Людовику IX обвинил в колдовстве свергнутую им регентшу Огуль-Гаймиш (1248-1251), вдову хана Гуюка – сына Угедэя и Туракины².

Не менее распространенным было обвинение в отравлении монарха, поскольку этот вид преступления могли с успехом практиковать представительницы «гаремного правления»: имея свои обособленные ставки, женщины ханского дома контролировали хозяйство, приготовление и подачу пищи, в т.ч. путем назначения ответственных за это лиц – баурчи, а в определенных случаях и сами могли прямо угощать правителя из собственных рук. Опять же, такое обвинение было очень удобным, поскольку нередко доказать отравление было довольно сложно, и для вынесения приговора достаточно было обвинения. Так, по решению упомянутого хана Гуюка (1246-1248) были казнены его тетка Алталун-хатун и бывшая супруга Чингис-хана Абиэк-беки, которых обвинили в отравлении хана Угедэя (причем последняя была обвинена со своим сыном, занимавшим должность баурчи)³. В 1335 г. на суд нойонов государства Хулагуидов в Иране предстала и была приговорена к казни Багдад-хатун, вдова ильхана Абу Саида (1316-1335), которую обвинили в убийстве супруга, насильственно расторгшего ее предыдущий брак, чтобы взять в жены самому⁴.

Также отчасти с «гаремным» положением женщин могло быть связано обвинение в участии в заговоре: близость к монарху, способность влиять на его семейство и ближайшее окружение делали такое обвинение достаточно правдоподобным. В 1252 г. был раскрыт обширный заговор против недавно вступившего на престол хана Мунке (1251-1259), среди участников которого были не только потомки Чагатай мужского пола, но также их жены и матери. В результате по обвинению в организации убийства хана предстали перед судом вышеупомянутая Огуль-Гаймиш, Кадакач-хатун, мать царевича Ширэмуна (которого его дед Угедэй сам указал в качестве своего возможного наследника), а также Тогашай, супруга Есу-Мунке, правителя Чагатайского улуса (1246-1252)⁵. Могущественная правительница Золотой

Орды – ханша Тайдула, супруга Узбека (1313-1341), мать Джанибека (1342-1357) и бабка Бердибека (1357-1359), была казнена ханом Хызром (1360-1361), которого она сначала обещала возвести на трон, а затем выступила против него, предпочтя более «управляемого» претендента Науруса (1360)⁶. В 1386 г. другой золотоордынский хан Токтамыш (1380-1395) по обвинению в заговоре казнил свою супругу Тулунбек – бывшую жену небезызвестного Мамая⁷. В середине 1450-х гг. престарелая Гаухаршад-ака (супруга Шахруха, сына Тимура, и мать знаменитого Улугбека) неоднократно попадала в заключение и, в конце концов, в 1457 г. была казнена самаркандским правителем Абу Саидом (1451-1469) по обвинению в переписке со своими правнуками, которых она подстрекала к войне с другими Тимуридами⁸.

Наконец, самым серьезным обвинением являлась государственная измена: только наиболее влиятельные представительницы власти имели возможность вступить в сговор с иностранными правителями и призвать их к захвату собственных государств, гарантируя завоевателям поддержку изнутри. Именно по такому обвинению была судима в 1257 или 1258 г. Боракчин, супруга знаменитого Батыя, правителя Золотой Орды (1227-1256), ставшая регентшей при своем внуке Улагчи (1256-1257/1258): согласно сообщению арабского автора ан-Нувайри, когда она попыталась заручиться поддержкой ильхана Хулагу для сохранения поста регентши, «народ, узнав, что она замышляет, послал за ней, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны, и убил ее»⁹. Такое же обвинение было предъявлено и вышеупомянутой Багдад-хатун¹⁰: вероятно, ее политические противники сочли предыдущее обвинение в отравлении супруга – ильхана Абу Саида – недостаточно убедительным, а саму ее весьма опасной, поскольку она принадлежала к очень влиятельному в Иране роду Чопанидов, представители которого в течение нескольких поколений являлись ближайшими советниками и военачальниками ильханов.

Помимо особых видов обвинений, следует отметить особенности отношения к женщинам в процессе расследования и исполнении наказания. Средневековые историки достаточно подробно описывают те жестокие меры, которые применялись к бывшим правительницам и другим представительницам власти в процессе получения доказательств и во время казни. При этом, в отличие от мужчин, большое внимание уделяется позорящим действиям, вероятно, не слишком актуальным в отношении мужчин – по крайней мере, при описании следствия и суда над мужчинами такие подробности средневековые хронисты не приводят.

Так, вышеупомянутая Фатима-хатун, находясь под следствием, была обнаженной закована в цепи и в течение долгого времени оставалась без еды и питья, постоянно подвергаясь «насилию, жестокостям и запугиваниям», ее пытали, били палками, пока она не созналась в том, в чем ее обвиняли. А казнили ее также способом, который вряд ли был применим к мужчинам: «зашили верхние и нижние отверстия ее [тела] и, завернув в кошму, бросили в воду»¹¹. Подобная жестокость до этого времени не имела прецедента в Монгольской империи, однако действия в отношении самой Фатимы стали прецедентом для наказаний, которые в дальнейшем широко применялись в отношении других женщин-подсудимых. При этом нельзя не обратить внимания, что хотя сама Фатима, несмотря на свое влияние в Монгольской империи, юридически являлась всего лишь рабыней регентши Туракины, аналогичные меры для получения признания и наказания преступниц стали впоследствии применяться даже в отношении представительниц правящих семейств.

Огуль-Гаймиш, вдова хана Гуюка, регентша Монгольской империи и мать ханских детей (которую захватили и привезли в ханскую ставку, «зашив обе руки в сыромятную кожу»), была подвергнута публичному унижению перед судом: «Мункасар-яркучи, обнажив ее, потащил на суд и допрашивал. Она сказала: “Зачем другие смотрят на тело, которое никто, кроме государя, не должен видеть?”». После вынесения приговора она была завернута в кошму и брошена в воду¹². Одну из ее сообщниц, Тогашай-хатун, не только казнили жестокой смертью, но и «позаботились» о том, чтобы причинить мучения ее супругу Есу-Мунке: Кара-Хулагу (племянник Есу-Мунке, лишенный по приказу хана Гуюка трона Чагатайского улуса в пользу дяди) приказал пытать ее, «раздробить ей кости», а затем «топтать ее ногами в присутствии Йисун-Буки и [этим] исцелил [свою] грудь от давней злобы»¹³.

С показательной жестокостью была казнена ханша Тайдула, в течение нескольких десятилетий активно участвовавшая в управлении Золотой Ордой: «Посадили Биким в крытые санки, полость крепко завязали и запрягли необъезженного жеребца и отпустили. Этот бешеный конь понес санки и ударял ее по буеракам и оврагам, пока Биким не погибла»¹⁴.

Подобная практика продолжалась в XV в. Во время борьбы за власть в Чагатайском улусе между потомками Тимура один из его внуков, Халил-Султан, попал в плен к своему дяде Шахруху (мужу вышеупомянутой Гаухаршад-ака) вместе со своей женой Шад-Мульк, которая своим вмешательством в дела государства вызывала гнев членов рода Тимуридов и знати. Муж ее, отказавшись от претензий на верховную власть в пользу дяди, вскоре был освобожден, сама же Шад-Мульк была оставлена в качестве заложницы. Вероятно, в попытке найти основания для предания ее суду, ее также подвергли многочисленным мучениям и унижениям: «Ее подвергли позору и оскорблениям, заставили спать со своими стражниками, подвергали порке плетьюми, заставляли заниматься унижительным трудом; а после всех этих унижений, сорвав с нее одежду и связав, водили по базарным местам, а глашатай оглашал ее прегрешения»¹⁵. Однако, как сообщают источники, позднее Шад-Мульк все-таки вернули мужу – вероятно, так и не добившись от нее признания в совершении преступлений.

Тот факт, что многие процессы (как и в отношении мужчин – соперников в борьбе за власть) носили «заказной» политический характер, подтверждается сообщениями самих же средневековых авторов. После смерти хана Гуюка выяснилось, что Фатима-хатун была оклеветана неким Широю, который, в свою очередь, был обвинен в колдовстве, подвергнут пыткам и предан почти такой же казни – через утопление¹⁶. В 1251 г. представители рода Чингис-хана, свергнувшие потомков Угедэя, обвинили их в том, что они казнили без суда Алталун, дочь Чингис-хана¹⁷. Фасих Хавафи сообщает, что хотя Багдад-хатун казнили формально по обвинению в отравлении супруга, фактически с ней расправились за то, что она отказалась признать нового ильхана – Арпа-хана¹⁸. Разнобой в обвинениях Огуль-Гаймиш или той же Багдад-хатун (которых обвиняли то в отравлении или колдовстве, то в заговоре или измене) показывает, что их казнь была предрешена, и выдвигаемые обвинения были лишь формальностью, необходимой для придания законности судебным процессам над ними. Подобный подход неоднократно использовался и в отношении проигравших соперников в борьбе за власть мужского пола. И то, что победители, лишавшие женщин власти, не брезговали при расправе с ними действовать так же, как и по отношению к соперникам мужского пола, показывает, насколько опасными они считали этих конкуренток в борьбе за власть.

Правительницы-судьи

Во второй части нашего исследования считаем целесообразным рассмотреть случаи, когда правительницы тюрко-монгольских государств не представляли перед судом, а сами являлись судьями. Специфика судебной системы Монгольской империи и ее наследников стала причиной малочисленности сведений в источниках и судебной деятельности самих монархов в целом, таким образом, не приходится удивляться, что сообщения о суде женщин-правительниц можно вообще пересчитать по пальцам одной руки. Нам удалось найти лишь несколько таких случаев, которые содержат достаточное количество информации, позволяющей сделать некоторые выводы.

Первый относится к периоду ранней Монгольской империи, он как уже отмечалось, был весьма подробно освещен в имперской придворной историографии. Речь идет о регентстве вышеупомянутой ханши Туракины и ее репрессиях против влиятельных нойонов, не поддерживавших ее приход к власти. По сообщению Рашид ад-Дина, Туракина, при активном участии вышеупомянутой же Фатимы-хатун, отдала приказ об аресте нескольких влиятельных сановников своего покойного супруга Угедэя. Однако большинству их удалось найти убежище у улусных правителей, которые могли себе позволить не подчиниться распоряжениям регентши. Поэтому упоминается лишь об одном деле, которое закончилось обвинением и казнью – суде над нойоном Коркузом, наместником в монгольском Хорасане. Ханша издала ярлык, которым повелела наместнику явиться к ее двору для рассмотрения его спора с представителями семейства Чагатая. Однако он не подчинился и попытался укрыться в одной из крепостей и оказать сопротивление посланцам Туракины, тем самым дав основание обвинить себя в неподчинении законной власти. В результате Коркуз был доставлен в ставку регентши, где предстал перед ее судом. Судьи под контролем Туракины пришли к выводу, что его вражда с семейством Чагатая была самым тяжким из совершенных деяний, поэтому было принято решение отправить его во владения Чагатаидов, где он, с санкции регентши, был казнен Кара-Хулагу, внуком Чагатая, весьма мучительной смертью: ему забивали рот землей и камнями, пока он не задохнулся¹⁹. Любопытно отметить, что Коркуз перед судом попытался подкупить сановников, которым регентша поручила разбирательство его дела, однако из этого ничего не вышло: во-первых, ранее он не выказывал им достаточно уважения, во-вторых, несомненно, Туракина и ее наперсница Фатима-хатун держали дело под личным контролем и не допустили бы сговора судей с обвиняемым.

Еще одна правительница – об участии в судебном разбирательстве известно из монгольской придворной историографии – Сорхактани-беки, мать хана Мунке, о суде которого над регентшей Огуль-Гаймиш и другими представительницами правящего рода мы также уже упомянули выше. Правда, в данном случае в нашем распоряжении имеется лишь довольно невнятное упоминание Рашид ад-Дина о том, что Огуль-Гаймиш и Кадакач-хатун, мать Ширэмуна, были доставлены в ее ставку²⁰. Об активном участии ханской матери в следствии и суде речи не идет: все расследование вел нойон Мункесар. Тем не менее, позволим себе предположить, что статус и пол обвиняемых обусловили передачу их дела под контроль равной им по положению матери хана. По-видимому, ее статус и роль в этом судебном разбирательстве были близки к статусу Туракины в предыдущем казусе: не участвуя в процессе непосредственно, Сорхактани обеспечивала принятие решения, выгодного ее сыну-хану.

Гораздо больше сведений сохранилось о судебном процессе, организованном и проведенном еще одной правительницей, впоследствии самой представшей

перед судом – золотоордынской ханшей Тайдулой, причем на этот раз речь шла не об уголовном или политическом преступлении, а о рассмотрении гражданско-правового иска. В середине 1350-х гг. несколько золотоордынских купцов при различных обстоятельствах подверглись грабежу венецианцев и подали иск в суд хана Джанибека о компенсации понесенного ущерба. Однако процесс затянулся и после смерти хана перешел на рассмотрение его сына и наследника Бердибека, который, в свою очередь, поручил разбирательство своим наместникам в Крыму и Азове. Однако его влиятельная бабушка Тайдула по собственной инициативе решила в 1359 г. провести разбирательство, по итогам которого компенсировала потерпевшим их убытки, а затем выставила счет на соответствующую сумму венецианским властям. До нашего времени сохранились два документа – послание Тайдулы венецианскому дожу и прилагаемая к нему «платежная ведомость» с указанием расходов, понесенных на организацию процесса и выплату компенсации²¹. Благодаря им мы можем достаточно четко представить себе состав участников процесса, включая судебных чиновников, а также сделать определенные выводы о статусе ханши, которая, не будучи формально ни монархом, ни регентшей Золотой Орды, тем не менее, обладала достаточным влиянием, чтобы принять решение о рассмотрении этого дела, разрешить его и вступить в переписку с иностранным правителем по итогам разбирательства.

Довольно специфическим представляется следующий казус, в котором представительница правящего рода также предстает своеобразным судьей, несмотря на то, что никакими формальными властными полномочиями не обладает. Ханзадебегим, представительница династии Тимуридов, была старшей сестрой знаменитого Бабура – правителя Ферганы и впоследствии основателя государства Великих Моголов в Индии. В 1500 г. она должна была выйти замуж за Мухаммада Шайбанихана – основателя Бухарского ханства, однако впоследствии, несмотря на рождение сына, он с ней развелся (выдав замуж за одного из своих приближенных), и после его гибели в 1510 г., ей было позволено выехать к брату Бабуру, который вскоре снова выдал ее замуж. При дворе брата, а затем и племянника – падишаха Хумаюна – она выполняла необременительные обязанности, организуя некоторые торжественные церемонии и т. п. Не играя значительной роли в политической жизни, Ханзаде, тем не менее, пользовалась уважением как старейшая представительница правящего семейства. Вероятно, именно поэтому на нее была возложена весьма важная миссия – добиться примирения двух своих племянников – Камран-мирзы, правителя Кабула, и Хиндал-мирзы, обосновавшегося в Кандагаре.

Пользуясь тем, что в 1540 г. Хумаюн был изгнан из Дели неким Шер-ханом из династии Сури, Камран годом позже решил подчинить себе Кандагар, начав осаду города, принадлежавшего его младшему брату. Естественно, свергнутому Великому Моголу, стремившемуся вернуть власть, была невыгодна вражда братьев, он направил в Кандагар Ханзаде. Хиндал-мирза (что примечательно, посоветовавшись со своей матерью) направил Камрану предложение вынести их спор на рассмотрение Ханзаде и обязался подчиниться любому ее решению. Однако, несмотря на уважение, которое все племянники питали к ней, поначалу Ханзаде не удавалось преуспеть. Первоначально она потребовала, чтобы Хиндал считался (как и раньше) подданным непосредственно Хумаюна, и Камран-мирза заподозрил, что это решение внушил ей сам правитель Кандагара. Поэтому он отказался принять такое решение, заставив Ханзаде совершить целую серию поездок из лагеря одного брата в лагерь другого и, в конце концов, выработать компромиссное решение: пока Хумаюн находится

в изгнании, Хиндал признает власть Камрана, но когда старший брат вернет власть в Дели, то Кандагар вновь будет подчиняться ему²² (что впоследствии и произошло). Таким образом, сестра Бабура выступила своего рода «третейским судьей» в споре двух его сыновей, в силу своего статуса «матриарха» династии Великих Моголов.

Наконец, последний из казусов, в которых правительница выступила в качестве судьи, относился уже ко второй половине XVII в. и имел место в Касимовском ханстве – небольшом государстве, возникшем в середине XV в. уже сразу как вассальное владение Московского великого княжества. В период автономного существования ханства его ханы обладали реальными властными прерогативами, в т. ч. и судебной юрисдикцией – как и правители других чингизидских государств²³. Однако к рассматриваемому времени касимовские правители уже лишились практически всех атрибутов власти даже в пределах зависимого (вассального) государства. После смерти в 1679 г. местного хана Сейид-Бурхана, который задолго до смерти принял крещение и стал именоваться Василием Арслановичем, было принято решение о ликвидации ханства. Однако из уважения к статусу и возрасту супруги покойного хана – Фатимы-Султан (которой к этому времени было 86 лет!), было решено сохранить номинальную власть над Касимовом за ней до самой смерти. Естественно, ни о каком фактическом правлении престарелой ханши в ханстве речи не шло: контроль над ним, в т. ч. и судебный, уже много десятилетий принадлежал воеводам, назначавшимся московскими царями²⁴.

Тем не менее, именно этой номинальной правительнице под конец жизни довелось выступить судьей по одному делу. Еще в 1677 г. некий Аким Никитин, от своего имени и имени ряда своих родственников, оспорил запись его в посадские люди, заявив, что его отец числился подьячим и потребовав, чтобы его и его родственников также числили в подьячих – последние обладали большими правами, нежели простые посадские. Он обратился к правителю («царевичу») Василию Арслановичу, но дело затянулось, и повторно челобитная была подана уже в 1680 г. ханше Фатиме-Султан. Весьма любопытно, что во время официального судебного разбирательства Аким Никитин произнес следующую фразу: «Касимов де город за Касимовскою царицею, а не за великим государем»²⁵. Тем самым этот касимовец русского происхождения признавал, что является подданным ханши-мусульманки и примет ее решение, а не решение наместников московского царя!

В решении по этому делу, тем не менее, нашло отражение реальное положение ханши в Касимове: Фатима-Султан издала грамоту, адресованную касимовскому воеводе Ивану Аксенову, в которой просила его числить Акима Никитина и его сородичей подьячими. Как видим, несмотря на заявление истца, решение самой Фатимы-Султан не имело юридической силы: оно обязательно должно было быть утверждено царским наместником. Исследователи обращают внимание, что и фактическое разбирательство осуществляли российские чиновники, а сама ханша в деле фигурирует «мельком», что свидетельствует о незначительных масштабах ее власти²⁶. Таким образом, можно видеть, что обращение к номинальной правительнице, не имевшей реальной власти и влияния на дела в ханстве, стало жестом отчаяния со стороны ее русского подданного. Выходя за хронологические рамки исследования, отметим, что этот затянувшийся спор дошел до царского суда и был разрешен только в 1695 г., когда цари Петр и Иван Алексеевичи повелели числить родственников А. Никитина (умершего в 1681 г.) все же подьячими, а не посадскими²⁷.

Подводя итоги исследования, можно сделать несколько выводов касательно особенностей процессуального положения правительниц тюрко-монгольских

государств. Прежде всего, нельзя не отметить, что при формальном соблюдении процедуры разбирательств, фактически все рассмотренные случаи судов над бывшими правительницами являлись политическими процессами, целью которых была расправа с соперницами в борьбе за власть.

Во-первых, им предъявлялись довольно стандартные обвинения, связанные с особенностями их статуса и гендерной принадлежности. Во-вторых, в гораздо большей степени, чем в случаях с мужчинами, в рамках расследования и исполнения наказания уделялось внимание их позорящей составляющей. В-третьих, показательная жестокость наказаний, как представляется, преследовала две цели: первой являлась месть мужчин-победителей представительницам «слабого пола», не постеснявшимся принять участие в борьбе за власть и даже преуспеть в противостоянии с мужчинами-конкурентами; второй же целью было, скорее всего, предупреждение другим представительницам правящего рода того или иного государства воздерживаться от действий, которые привели их родственниц к столь плачевному концу. Однако, как показывает анализ, наказания не достигали цели, и женщины из правящих семейств продолжали активно бороться за власть в различных государствах тюрко-монгольского мира – причем не только в средневековье, но и в более поздние периоды, которые мы не рассматриваем в рамках данного исследования.

Что же касается судебных рассматриваний, осуществлявшихся ханшами, то они в меньшей степени поддаются систематизации и во многом были связаны с особенностями политической ситуации в том или ином государстве, обусловившей возможность осуществления правосудия правительницей или влиятельной представительницей правящего рода.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 117.
2. *Рубрук Г. де*. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 175.
3. *Плано Карпини И. де*. История монгалов / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 79; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – С. 42.
4. *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи*. Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. – Ташкент: Фан, 1980. – С. 59.
5. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – С. 137-138.
6. *Утемиш-хаджи*. Кара таварих / Пер. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 52.
7. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Стб. 152.
8. *Бартольд В. В.* Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 171.
9. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Изд. графа Г. С. Строганова, 1884. – С. 150-151.
10. *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи)*. Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова. – Казань: ЯЗ, 2011. – С. 146.

11. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – С. 117.
12. Там же. – С. 138.
13. Там же. – С. 137.
14. *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. – С. 52.
15. *Ahmed ibn Arabshah*. Tamerlane, or Timur the Great Amir: From the Arabic Life / Transl. by J. H. Sanders. – London: Luzac & Co., 1936. – P. 290-291. См. также: *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. – С. 89.
16. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – С. 117.
17. Там же. – С. 80.
18. *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи*. Фасихов свод. – С. 59.
19. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – С. 48.
20. Там же. – С. 138.
21. *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – С. 196-217.
22. *Gul-Badan Begam (Princess Rose-body)*. The History of Humayun (Humayun-nama) / Trans., intr., notes and app. by A. S. Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1902. – P. 161.
23. *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. – С. 64.
24. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1866. – С. 462.
25. Там же. – С. 484-485.
26. Там же. – С. 485.
27. Там же. – С. 462-485.

Список литературы

- Бартольд В. В.* Улугбек и его время // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 23-196.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1866. – VI + 502 с.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 276 с.
- Плано Карпини И. де.* История монгалов / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 28-85.
- Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Языки русской культуры, 2000. – XII + V с., 186 + 504 стб., 29 + 35 с.
- Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. – 207 с.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 253 с.
- Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 86-189.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Изд. графа Г. С. Строганова, 1884. – 564 с.

Утемиш-хаджи. Кара таварих / Пер. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.

Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. – Ташкент: Фан, 1980. – 346 с.

Хафиз Аbru (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова. – Казань: ЯЗ, 2011. – 320 с.

References

Ahmed ibn Arabshah. Tamerlane, or Timur the Great Amir: From the Arabic Life / Transl. by J. H. Sanders. London: Luzac & Co., 1936. XVIII + 341 p.

Bartold V. V. *Ulughbek i ego vremya* [Ulugh Beg and his times]. IN: *Bartold V. V. Sochineniya. T. II. Ch. 2*. Moscow: Nauka publ., 1964, pp. 23-196.

Fasikh Akhmad ibn Dzhalal ad-Din Mukhammad al-Khavafi. *Fasikhov svod. Per. D. Yu. Yusupovoy* [Yusupova D. Yu. (Russ. transl. by) Compilation of Fatikh]. Tashkent: Fan publ., 1980, 346 p.

Grigoryev A. P., Grigoryev V. P. *Kolleksiya zolotoordynskih dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Collection of the Golden Horde documents from Venice: A source study]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002, 276 p.

Gul-Badan Begam (Princess Rose-body). The History of Humayun (Humayun-nama) / Trans., intr., notes and app. by A. S. Beveridge. London: Royal Asiatic Society, 1902. XIV + 331 p.

Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi* ("Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida") [Talyshkhanov E. R. (Russ. transl., intr., comments, notes and index) Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi ("Addition to Rashid's compendium of chronicles")]. Kazan: Yaz publ., 2011, 320 p.

Plano Karpini I. *Istoriya mongalov. Per. A. I. Maleina; vstupit. st., komment. M. B. Gornunga* [Malein A. I. (Russ. transl.), Gornung M. B. (intr. and comments) History of Mongols]. IN: *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Oriental countries]. Moscow: Mysl' publ., 1997, pp. 28-85.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XV. Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. Rogozhskiy chronicle. Tver collection]. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ., 2000, XII + V p., 186 + 504 col., 29 + 35 p.

Rakhimzyanov B. R. *Kasimovskoe hanstvo (1445-1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445-1552). Historical essays]. Kazan: Tatar Book Press, 2009, 207 p.

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. Per. s pers. Yu. P. Verkhovskogo; prim. Yu. P. Verkhovskogo i B. I. Pankratova; red. I. P. Petrushevskiy* [Verkhovskiy Yu. P. (Russ. transl.), Yu. P. Verkhovskiy, B. I. Pankratov, ed, by I. P. Petrushevskiy (notes) Collection of chronicles. Vol. 2]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1960, 253 p.

Rubruk W. *Puteshestvie v vostochnye strany. Per. A. I. Maleina; vstupit. st., komment. M. B. Gornunga* [Malein A. I. (Russ. transl.), Gornung M. B. (intr. and comments) Travel to Oriental countries]. IN: *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Oriental countries]. Moscow: Mysl' publ., 1997, pp. 86-189.

Tiesenhausen V. G. *Sbornik materialov, otnosyashchihsya k istorii Zolotoy Ordyy. T. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of materials on history of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from Arabian sources]. St. Petersburg: Publ. by Count G.S. Stroganoff publ., 1884, 564 p.

Utemish-Hajji. *Kara tawarikh. Per. I. M. Mirgaleeva, E. G. Sayfetdinovoy*. [Black history. (Russ. transl.) I. M. Mirgaleev. E. G. Sayfetdinova]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, the AS RT publ., 2017, 312 p.

Velyaminov-Zernov V. V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryah i tsarevichah. Ch. III* [Study on Kasimov kings and princes. Part 3.]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science Press, 1866, VI + 502 p.

Сведения об авторе

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Научно-образовательного центра «Большой Алтай» (Санкт-Петербург), e-mail: rpochekaev@hse.ru

About the author

Roman Yu. Pochekaev, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University "Higher School of Economics", Principal Researcher at Scientific and Educational Center "Bolshoi Altai", e-mail: rpochekaev@hse.ru

В редакцию статья поступила 03.11.2021, опубликована:

Почекаев Р. Ю. Ханши и правосудие: правительницы перед судом и правительницы-судьи в средневековых тюрко-монгольских государствах // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 1. – С. 60-71.

Submitted on 03.11.2021, published:

Pochekaev R. Yu. *Khanshi i pravosudie: pravitelnitsy pered sudom i pravitelnitsy-sudyi v srednevekovykh tyurko-mongolskikh gosudarstvakh* [Khans' wives and justice: female rulers in court and female rulers as judges in medieval Turkic-Mongol states]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 1, pp. 60-71.